

ИСТОЧНИКОВЕДЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ИЗУЧЕНИЯ «АРТХАШАСТРЫ»

В 60-е годы вышло несколько важных работ о так называемой «Артхашастре» Каутильи (далее — КА). Прежде всего следует назвать трехтомник проф. Р. П. Кангле «Каутилия Артхашастра»¹. Том первый этой книги содержит первое критическое издание памятника (о выходе его уже сообщалось в ВДИ, 1964, № 2), том второй — перевод, выполненный с учетом всех доступных в настоящее время комментариев и переводов на европейские языки (важнейшие толкования русского перевода сообщены в приложении к тому). В третьем томе автор занимается преимущественно вопросами авторства, датировки и т. д. Большая часть обширной монографии доктора Х. Шарфе «Исследования по Государственно-правовому учению Каутильи»² также посвящена обсуждению чисто источниковедческих проблем. Наконец, в 1968 г. замечательный индийский ученый проф. П. В. Кане переиздал первую часть первого тома своей пятитомной «Истории дхармашастры»³. Первый том в целом, как известно, посвящен как раз источниковедению дхармашастры. В первой части его разбираются памятники до конца I тыс. н. э. Данное, второе издание первого тома вдвое превышает по объему первое издание 1930 г., хотя основные концепции автора остались неизменными. Важнейшие дополнения сделаны автором как раз в тех разделах, которые посвящены произведениям, так или иначе близким дхармашастрам, т. е. эпосу, *пуранам* и в особенности «Артхашастре». Соответствующие главы занимают около 200 страниц — почти столько же, сколько было во всей первой части в издании 1930 г. Все три книги вышли почти одновременно, так что авторы их еще не осведомлены о работах друг друга, и притом все трое пытаются подвести итоги более чем полувекового изучения КА. Учитывая первостепенное значение этого памятника для изучения древней Индии и скудость русской ли-

тературы о нем⁴, стоит подробно остановиться на результатах названных монографий, т. е. на итогах «артхашастроведения».

Попытки реконструкции первоначального текста КА. Гипотеза, что КА является лишь прозаическим передождением написанного в стихах оригинала, может ныне считаться оставленной⁵. Отвергнута также гипотеза Д. Д. Косамби⁶, что до нас дошел примерно на четверть сокращенный текст КА. Шарфе (ук. соч., стр. 9—11), приведя около 30 мест КА, где автор говорит о том, что уже сказано им, или о том, что будет сказано, и найдя для каждой такого рода ссылки точные соответствия в тексте, самым убедительным образом доказал, что текст КА не только не имеет больших лагун, но и порядок изложения остался неизменным. Пока не увенчались ни малейшим успехом все попытки доказать, что одни главы трактата древнее других. Немногим более успешны и усилия выделить «ядро», из которого вырос трактат. Наиболее серьезно в этом отношении как раз работа Шарфе. Он приходит к выводу (ук. соч., стр. 17—47), что деление КА на главы было делом древних редакторов текста (именно весьма древних редакторов, ибо «*Камасутра*» Ватсыяны — памятник примерно III—IV вв. н. э., возможно составленный под влиянием КА, — также разделена на главы и разделы одновременно). Вначале КА состояла лишь

¹ R. P. K a n g l e, The Kauṭīlīya Arthaśāstra, I, Bombay, 1960; II, 1963; III, A Study, 1964. Пользуюсь случаем поблагодарить Г. М. Бонгард-Левина за любезное разрешение использовать последний том, отсутствующий в наших библиотеках.

² H. S c h a r f e, Untersuchungen zur Staatsrechtslehre des Kauṭālyā, Wiesbaden, 1968.

³ P. V. K a n e, History of Dharmaśāstra. Ancient and Mediaeval Religious and Civil Law in India, vol. 1, Revised and enlarged, p. 1, Poona, 1968 (первое издание книги 1930—1962 гг.).

⁴ Надо сказать, впрочем, что как раз в последнее десятилетие и в нашей литературе появилось несколько серьезных работ, в которых затрагивается вопрос об изучении «Артхашастры»: статьи Г. М. Бонгард-Левина и книга Г. М. Бонгард-Левина и Г. Ф. Ильина «Древняя Индия» (М., 1969). Г. М. Бонгард-Левин использует прежде всего те сведения трактата, которые можно сопоставить с твердо датированными источниками: надписями Ашоки и фрагментами Мегастена. Этот метод оказывается весьма плодотворным при использовании КА для реконструкции индийской истории, но для изучения трактата, как такового, и его положения в истории индийской научной литературы он может быть, естественно, лишь одним из вспомогательных методов.

⁵ От этой гипотезы отказался последний ее сторонник — Ф. Вильгельм (F. W i l h e l m, Die Beziehungen zwischen Kāmasūtra und Arthaśāstra, ZDMG, 1966, 116, стр. 296).

⁶ См. D. D. K o s a m b i, The Text of the Arthaśāstra, JAOS, 78, стр. 169—173.

из тематических разделов (*пракарана*), причем это деление на разделы не было отмечено в самом тексте, но лишь изложено во введении к нему (ук. соч., стр. 46). Поэтому не следует впредь ни использовать упоминание Каутильи в колофонах как доказательство его авторства, ни рассматривать двойное деление текста (на главы и *пракарана* одновременно) в качестве признака особой его древности.

Далее автор (ук. соч., стр. 48—75), анализируя соотношение стихов и прозы в КА, приходит к заключению, что стихи часто древнее прозы и проза иногда основана на стихах, является как бы введенным к ним. Стихи КА, действительно, порой отличны от прозы по языку, стилю и содержанию. Вероятно, справедливо утверждение Шарфе, что значительная часть стихов КА не принадлежит автору прозаической части трактата. Возможно, что многие стихи древнее прозы в целом и автор КА заимствовал их из предшествовавших сочинений (см. Kangle, ук. соч., стр. 33). Возражение вызывает лишь гипотеза Шарфе (ук. соч., стр. 76—87) о существовании единой краткой пред-Артхашастры, состоявшей преимущественно из стихов. Доказать существование такого первоначального «ядра» трактата ему не удалось. В целом трактат оставляет впечатление единого по языку, стилю и содержанию. Хотя нередко высказываются предположения о постепенном создании трактата в течение нескольких поколений — самое большее, чего удалось пока достигнуть в реконструкции первоначального текста, — это установить, что, вероятно, трактат не сразу, а лишь спустя некоторое время после создания был разделен на главы и что не все стихи принадлежат автору прозаической части КА⁷.

Вопрос об авторстве и характере трактата. Шарфе присоединяется к тем ученым, которые относят Каутилю как автора к легендарным персонажам (ук. соч., стр. 85—86). При этом средневековые предания о Каутилье, по его мнению, отражают брахманский идеал бездельного царя при активном министре-брахмане. Эти легенды не соответствуют ни греческим сообщениям о Чандрагупте, ни идеям КА (так, например, роль Каутильи как единственного советника царя явно не согласуется с рекомендацией КА иметь трех-четырех советников и предостережением о том, что единственный советник становится всевластным и безнаказанным (КА, I, 45, 34—41). До сих пор приверженцам индийской традиции не удалось найти удачных параллелей, доказывающих древнеиндийскую практику цитирования себя в третьем лице,

а потому встречающиеся в КА «так (говорит) Каутилья» и «не так (говорит) Каутилья» могут служить аргументами скорее против его авторства.

Не раз противники индийской традиции писали о том, что автор КА совершенно не упоминает ни Чандрагупту, ни империю Маурья, ни ее столицу Паталипутру и другие современные Каутилье обстоятельства. Кангле полагает, что в основе подобной аргументации лежит полное непонимание характера КА (ук. соч., стр. 62—64 и сл.). Он многократно подчеркивает, что трактат этот вовсе не рекомендация для какого-либо конкретного правителя конкретной страны. Это наставление для любого царя, теоретическое изложение государственной мудрости, как таковой. Поэтому автор одновременно сообщает как способы поглощения малого государства большим, так и, напротив, способы сохранения от всех посягательств самостоятельности малого государства. Как было принято в такого рода трактатах, изображение дано чисто абстрактное, идеальное, и потому совершенно излишни были бы любые упоминания об исторических, конкретных лицах и событиях. Автор не был совершенно оригинальным писателем, он излагал почти исключительно сложившиеся теории государственного управления, писал на основе огромной литературной традиции. Эти положения представляются по существу бесспорными и действительно, чрезвычайно важными для понимания существа КА. Но одновременно они ничуть не меньше подрывают основательность полного доверия к традиции, чем аргументы Шарфе и других скептиков. В самом деле, гениальный советник основателя империи и создатель единственного в своем роде трактата-наставления, обращенного к молодому императору с целью хранить и расширять эту империю, — эта личность, занимавшая умы первых выдающихся исследователей КА (как Г. Якоби, И. Я. Мейер, Б. Бреллер), исчезает. Соображения Кане (ук. соч., стр. 173, 186, 223 и др.) о биографии Каутильи, его характере и патристических стремлениях покоятся, очевидно, на таком же непонимании трактата и всей науки *артхашастры*, как и аргументы критиков традиции. Замечательный компендиум политической науки, написанный на основании обширной литературной традиции, не предназначенный для конкретного правителя конкретного государства, вполне мог быть создан безвестным энциклопедистом.

Датировка. Вопрос датировки остается наиболее спорным, и все авторы уделяют ему много внимания. Надо заметить, однако, что, если считать КА обобщающим и в значительной мере традиционным трактатом, изображающим некое абстрактное государство, вопрос о его датировке, т. е. о конкретной дате его на-

⁷ К сожалению, мы почти не осведомлены еще о результатах текстологического исследования КА с помощью ЭВМ, приведенного недавно в Лондоне.

писания, отчасти теряет свою остроту, не предвещая возможности использования КА как исторического источника. Трактат в целом следует датировать прежде всего исходя из тех скудных конкретно-исторических данных, которые можно принять за *terminus post quem*. Но достоверность и хронология отдельных сведений зависят от характера и древности источников автора. При этом не может быть речи о выделении хронологических слоев в собственном смысле слова, как это было бы в случае постепенного развития трактата из одного «ядра» или механического соединения совершенно различных небольших трактатов. Чрезвычайно важным становится также вопрос, насколько вообще абстрактное государство КА отражает историческую реальность какого бы то ни было времени. И эта последняя проблема не может быть так просто и остроумно решена, как у Брелера, на которого ссылается Шарфе (ук. соч., стр. 118): поскольку-де автор трактата о многом умалчивает, как о известном и понятном для современников, ясно, что он отражает известную реальность. КА, очевидно, предназначалась для сравнительно узкого круга лиц, вообще знакомых с подобного рода специальной литературой, и потому читатели КА могли знать терминологию, детали изложения и т. п. не обязательно из государственной практики, а из аналогичных трактатов о политической науке. Нужно подчеркнуть, что, исследуя общество и государство КА, мы восстанавливаем прежде всего идеальную картину, мы изучаем традиционное теоретическое построение.

Кангле и Кане настаивают на традиционной датировке КА концом IV в. до н. э., временем правления Чандрагупты, притом Кангле полагает, что трактат преимущественно сообщает теории, сложившиеся до создания империи Маурьев, и отражает общественные и государственные отношения домаурийской эпохи.

Шарфе (ук. соч., стр. 334) считает наиболее вероятной датой составления в настоящем виде I в. н. э. В пользу этого могут свидетельствовать следующие факты.

1. Сравнительно поздние следы знакомства с трактатом. Каутилья впервые упоминается в «*Ланкаватарасутре*» (вероятно, IV в.) вместе с Вальмики и Ашвалайной как мудрец-*риши*. КА была использована знаменитым лексикографом VI в. Амарасимхой. Поэтам классического периода (Бана, Калидаса, Дандин, Вишакхадатта) знакомо либо имя Каутильи, либо содержание его трактата. В одной из версий Панчатантры (примерно IV в.) упоминается Чанакья как автор книги о политике. Арья Шура в «Гирлянде *джатак*» (около IV в.) как будто оспаривает некоторые доктрины КА. «*Камасутра*» Ватсьяяны (при-

мерно III—IV вв.), может быть, подражает ее структуре. Таким образом, можно найти слабые следы знакомства с КА никак не раньше III—IV вв. Притом в середине I тыс. н. э. этот трактат был достаточно популярен и было бы странно его совершенно незаметное существование в течение предшествовавшего полутора тысячелетия. «Махабхарата», излагающая среди прочего также и теории политической науки и приводящая имена учителей этой науки, нигде не называет Каутилью⁸.

2. В тексте КА находятся некоторые слова, которых никак не могло быть в сочинении времени Чандрагупты. Это давно отмеченное слово *surūṅgā* в значении «рудник, подземный ход», которое выводится из греческого *σῦριγγή* (в значении «подземный ход» впервые у Полибия) (Шарфе, ук. соч., стр. 316 сл.). Правда, Кёнер находит параллели в неарийских индийских языках, так что происхождение *surūṅgā* из *σῦριγγή* не может считаться абсолютно доказанным (Кангле, ук. соч., стр. 76).

В КА упоминаются «китайские ткани, происходящие из страны Китай» (Чина) (КА, II, 11, 114). Во-первых, название Китая — Чина, очевидно, происходит от названия династии Цинь, правившей в III в. до н. э. Во-вторых, торговля с Китаем после первых попыток конца II в. н. э. стала возможной лишь с середины I в. (Шарфе, ук. соч., стр. 322). Правда, словом «Чина» называли в Индии, видимо, также племена в районе современного Ассамы (Кане, ук. соч., стр. 241), но самый контекст — ткани страны Чина (шелк) — не позволяет сомневаться в том, что имеется в виду Китай.

Может быть, наиболее важно еще одно слово, название коралла — *алакандака* («происходящий из Алаканды»). Не может быть сомнения, что под Алакандой (Аласанда, Аласандра, Алатсандра) имеется в виду Александрия. Таким образом,

⁸ Кане (ук. соч., стр. 188—189) отвергает последний аргумент, указывая, что основные принципы «Махабхараты» сближают ее с дхармашастрами, а авторы «Махабхараты» не упоминают КА из-за враждебности основных принципов. Но тот же Кане (там же, стр. 234) считает возможным аргументировать противоположным образом: поскольку КА не упоминает в числе учителей авторов дхармасутр, трактат следует датировать не позже, чем дхармасутры. Здесь Кане не только противоречит себе, но и аргументирует очень слабо: ведь КА вообще излагает и цитирует исключительно учителей науки *артшашастра*, в то время как «Махабхарата» нередко передает мнения учителей разных наук, в том числе и *артшашастры*, но в ней нет ни упоминаний Каутильи, ни следов знакомства с известной нам КА.

о времени Чандрагупты уже не может быть речи. Приведа вслед за С. Леви⁹ свидетельство Плиния Старшего (XXXII, 11), что индийцы очень любят кораллы, и «Перипла Эритрейского моря» о широкой торговле с Индией через Александрию египетскую, Шарфе (ук. соч., стр. 317 сл.) приходит к выводу, что в КА имеется в виду не Александрия, основанная вблизи устья Инда, а Александрия на Ниле. Это позволяет еще более уточнить датировку, ибо лишь незадолго до «Перипла» (§ 26) морская торговля стала производиться через Александрию, а не через Счастливую Аравию. Шарфе (ук. соч., стр. 321—322) идентифицирует также таинственную *прагжуна* или *праджуна* КА с Ферганой. Фергана лишь в кушанское время входила в состав индийской империи — это служит Шарфе еще одним аргументом в пользу предлагаемой им датировки. Однако надо заметить, что как раз в отношении датировки временем кушанской империи могут быть серьезные возражения: в КА (IX, 1, 18) говорится о *sakravartiksetra* — земле, которая может принадлежать императору, и граница этой земли — Гималаи (известно, что кушанская империя выходила далеко за эти пределы).

Шарфе (ук. соч., стр. 291) убедительно опровергает нередкое противопоставление КА и «Камасутры» Ватсьяяны в отношении употребления мясной пищи. С другой стороны, между надписями Ашоки и КА Шарфе (там же, стр. 292—297) находит заметное различие: то воздержание от мясной пищи, которое изображается в качестве новшества и особой добротели Ашоки, представляется совершенно естественным автору КА. В частности, Ашока с гордостью сообщает, что павлины на царской кухне убиваются лишь дважды в год, в КА вовсе запрещает убивать павлинов.

В качестве специалиста по сочинениям древнеиндийских грамматиков Шарфе (ук. соч., стр. 75) делает заключение, что грамматическая терминология КА более поздняя, чем терминология не только Панини, но и его комментатора Катьяяны. Кроме того, Шарфе (ук. соч., стр. 88—112) вслед за польским ученым Е. Слушкевичем¹⁰ исследует язык КА, преимущественно лексику, и находит, что язык КА близок к поздней, классической литературе и по крайней мере об архаизме языка не может быть и речи (стр. 108). Кангле (ук. соч., стр. 38) также вынужден признать, что архаических черт в языке КА немного. К тому же еще основной отмеченный им архаический признак, а именно образование абсолютива на *-tvā-* от каузативных гла-

голов с приставкой, вряд ли может считаться безусловно архаической чертой: подобное явление обычно и в эпической, и в классической литературе.

Кангле (ук. соч., стр. 77, 99, 126) приводит два важнейших аргумента в пользу традиционной датировки: в КА говорится о борьбе с республиканскими объединениями, которых не существовало в первые века н. э.; в описании КА не видно эллинистического влияния как раз в тех областях, где оно, несомненно, было, — в астрологии и в монетном деле. Первое соображение Кангле не совсем убедительно, ибо мы не можем утверждать с полной уверенностью, что названные объединения совершенно исчезли после Чандрагупты и даже после Маурьев. Второй аргумент по существу *e silentio*. Аргументы Кане (ук. соч., стр. 233—241) более многочисленны и в основном относятся к религиозной жизни: КА чрезвычайно мало говорит о буддизме — она не могла быть создана в период возвышения буддизма и покровительства ему со стороны царской власти. В КА говорится о ведических обрядах, таких, как *агништома*, и о древних божествах, как Кубера-Вайшравана. Кроме того, Кане находит, что терминология КА весьма сходна с терминологией надписей Ашоки. Последний из аргументов не бесспорен — Кангле, например, отрицает большинство из приведенных отождествлений. Что же касается религиозной жизни, то вряд ли здесь можно заметить принципиальное различие между КА и «Законами Ману».

Доводы Кангле и Кане в лучшем случае способны опровергнуть такую позднюю датировку, как III в. н. э. (Ю. Иолли, О. Штейн, М. Винтерниц) и показать значительную древность сведений КА, но бессильны доказать достоверность индийской традиции.

Артхашастра и *дхармашастра*. И для решения вопросов хронологии и достоверности источников, и для понимания эволюции индийской политической идеологии и литературы чрезвычайно важна проблема соотношения КА и подобной ей, обширной некогда литературы (*артхашастра*) и литературы священного предания — *смирита* (*дхармашастра*)¹¹. Еще для первых исследователей *дхармашастр* было удивительно, что эти брахманские религиозные, в значительной мере ритуальные книги рассматривают вопросы права, политики, военного искусства. Время от времени высказывались предположения, что брахманские учителя составляли соответствующие разделы на основе кшатрийской специальной литературы. Доказательств, однако, для этой гипотезы

⁹ S. Levi, Alexander and Alexandria in Indian Literature, INQ, 1936, XIII.

¹⁰ E. Sluszkiewicz, Przyczynki do badan nad Kautilyą, Lwow, 1929.

¹¹ Из *дхармашастр* на русский язык переведено лишь одно произведение — «Манусмирита» — «Законы Ману» (1913 и 1960 гг.). Готовится к изданию перевод «Нарада-смирита».

тезы почти не было. Господствовала точка зрения, что право и политическая теория зарождались в брахманских школах, а полную нерасчлененность политики, права и религиозно-моральных предписаний следует считать типичной чертой восточной идеологии¹². Когда в начале XX в. была открыта КА, для всех была очевидна ее близость по содержанию, а часто и текстуально с известными *дхармашастрами*: «Законами Ману», особенно «*Яджнавалкья-смирити*» и другими еще более поздними памятниками. Для Иолли не оставалось ничего иного, как считать, что автор КА был знаком с содержанием *дхармашастр*, и датировать КА чрезвычайно поздним временем — III в. н. э. или даже позже¹³. Любопытно, что Ганapati Шастри, написавший в 20-х годах комментарий к КА на санскрите, тоже считал, что КА заимствует из *дхармашастр* Ману и Яджнавалкья (см. Kangle, ук. соч., стр. 80). Но в его концепции защита индийской традиции об авторстве Каутильи была тесно связана с защитой той же индийской традиции, что автором «*Яджнавалкья-смирити*» был древний мудрец, упоминаемый в Ведах. В литературе 20-х годов появилось течение, противоположным образом рассматривающее взаимоотношения КА и *дхармашастр* Ману и Яджнавалкья, *артхашастры* и *дхармашастры* в целом (И. Я. Мейер, К. П. Джаясвал, Г. Лош и др.): Ману и Яджнавалкья основывались на КА или произведениях, близких к ней. Важно отметить, что ни в одной из новых работ не повторяется точка зрения Иолли и Ганapati Шастри. Кане (ук. соч., стр. 183, 202, 242) показывает, что автор *Яджнавалкьи* заимствует из КА, а Кангле (ук. соч., стр. 78—80) утверждает, что *дхармашастры* вообще компилятивные произведения: в разделах о религиозных обычаях и обрядах они черпают материал из религиозных же книг (из *дхарма-* и *грихьясутр*), а в разделах о политике и праве — из «светских» трактатов типа КА.

Теперь сторонники индийской традиции об авторстве и соответственно датировке КА склонны как раз аргументировать тем, что «*Яджнавалкья-смирити*», созданная, видимо, около III в. н. э., использует КА, и, таким образом, КА никак нельзя датировать III в. н. э. (Кане, ук. соч., стр. 236; Кангле, ук. соч., стр. 78—80). Представляется, что даже «Законы Ману» могли быть написаны после КА, а «Законы Ману» созданы еще раньше *Яджнавалкьи*. Надо признать, что, действительно, аргументов в пользу датировки КА столь поздним временем,

как III в. н. э., практически не осталось. Но нет и решающих подтверждений индийской традиции — многие из приведенных выше данных противоречат датировке рубежом IV—III вв. до н. э. и указывают на рубеж н. э. как наиболее вероятную дату. Такой датировке нисколько не противоречит и указанное соотношение *артхашастры* и *дхармашастры*. В самом деле, если первая *дхармашастра* («Законы Ману»), обнаруживающая несомненное основательное знакомство с произведениями типа КА, но, вероятно, еще не с ней самой, датируется II в. до н. э. — II в. н. э., а первая *дхармашастра*, в которой находят следы заимствования из КА, датируется II—III вв. н. э. («*Яджнавалкья*»), ничто не мешает считать КА произведением, составленным на рубеже н. э. на основе аналогичных трактатов последних веков до н. э. При этом надо заметить, что в *дхармашастрах* III—V вв. н. э. встречаются важные упоминания об *артхашастрах*: Яджнавалкья, Нарада и Катьяяна решают вопрос о том, как следует поступать в случае конфликта предписаний *дхармашастр* и *артхашастр*. Известная нам КА, несомненно, стоит не в начале, а в конце долгого периода активного составления *артхашастр*. Маловероятно, что в III—V вв. н. э. внимание авторов-юристов внезапно обратилось к произведениям домаурийской эпохи. Таким образом, признание значительного влияния *артхашастр* на *дхармашастры* противоречит лишь поздней датировке КА (как у Иолли), но гораздо лучше согласуется с датировкой рубежом н. э., чем с традиционной.

В заключение нужно еще раз подчеркнуть, может быть, самую характерную черту историографии последних лет, связанной с изучением КА. Все большее внимание уделяется остаткам аналогичной литературы (*артхашастра*, *митишастра*, *данданитишастра*) и разработке тех же самых проблем в эпосе, особенно в XII книге «Махабхараты» (см. Кане, ук. соч., стр. 159 сл.), в *пуранах*¹⁴, в средневековых комментариях¹⁵ и в средневековых сборниках рассказов и поучений¹⁶. Благодаря подобным исследованиям мы не только узнаем, например, об использо-

¹⁴ Н. L o s c h, Rājadharmā, Bonn, 1959.

¹⁵ Duncan Derrett, A New Discovered Contact between Arthashastra and Dharmaśāstra, The Role of Bharucin, ZDMG, Bd 118; D. Schlingloff, Arthashastra-Studien, «Wiener Zeitschrift für die Kunde Süd- und Ostasiens», IX, 1965.

¹⁶ L. Sternbach, Quotations from the KA, JAOS, 1968, vol. 88; он же, Juridical Studies in Ancient Indian Law, vol. 1—2, Delhi — Varanasi — Patna, 1965—1967.

¹² Например, J. Jolly, Recht und Sitte, Strassburg, 1896.

¹³ J. Jolly and R. Schmidt, Arthashastra of Kautilya, vol. 1, An Introduction, Lahore, 1923.

вании КА первым комментатором «Законов Ману» — Бхаручини (VIII в.) или о вкладе *пуран* в разработку *раджадхармы* (обязанностей царя), но наконец-то, хотя бы еще в незначительной степени, можем представить КА в кругу родственной ей литературы. Чем больше удастся

преодолеть изолированность положения «Артхашастры» в истории древнеиндийской научной литературы, тем более серьезным и плодотворным станет и само «артхашастроведение».

А. А. Вигасин

АММИАН МАРЦЕЛЛИН В СОВРЕМЕННОЙ ЗАРУБЕЖНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Аммиан Марцеллин — один из крупнейших латиноязычных писателей поздней античности. Он происходил из состоятельной антиохийской семьи и родился, по-видимому, незадолго до 333 г. Аммиан служил в армии под командованием одного из способнейших полководцев тех лет, Урсинна — сперва на берегах Евфрата, потом в Галлии¹; потом опять на Востоке, когда ему пришлось участвовать в обороне Амиды, осажденной Шапуром II. Он сопровождал императора Юлиана в походе против персов. Смерть Юлиана знаменовала конец военной карьеры Аммиана; он поселился в Антиохии, много путешествовал: был в Египте, в Греции, наконец, во Фракии и осматривал там поле сражения под Адрианополе, где в 378 г. готы одержали победу над Империей. В конце жизни Аммиан переехал в Рим: во всяком случае, в 391 г. он был в Риме и с успехом читал там, как это следует из 983-го письма Либания, отрывки из своей книги, известной теперь под названием «Res gestae», т. е. «Деяния» или «История» (иногда ее называют «Римской историей»).

Сочинение Аммиана было обнаружено гуманистом Поджо Браччолини в середине XV в., многократно издавалось уже в XVI в., постоянно привлекалось как источник по истории IV столетия, хотя попытки общей характеристики этого автора появились сравнительно поздно².

В последние годы как раз интерес к Аммиану стал заметно возрастать, что

связано, надо думать, с тем не раз уже отмечавшимся перемещением акцентов, которое нетрудно заметить в современной науке о древней истории: гармоничная «классическая» античность постепенно отодвигается кризисными ситуациями и поздней античностью в частности. Для возрастания внимания к Аммиану показательно уже обилие новых изданий и переводов «Истории».

Критическое издание Ч. Кларка³ было перепечатано в 1963 г. В том же году вышло и воспроизведение издания Дж. Рольфе, сопровождающегося английским переводом⁴. Даже устаревшее издание В. Гардтхаузена⁵ вновь увидело свет в 1967 г. Одновременно стали появляться новые издания: А. Селема с итальянским переводом⁶, Э. Галлетье (в сотрудничестве с Ж. Фонтеном) — с французским⁷ и, наконец, В. Зейфарта — с немецким⁸. Кстати сказать, русский читатель получил недавно небольшие фрагменты «Истории» в переводе Я. Н. Любарского⁹.

Подготовка новых изданий, естественно, вынуждает поставить вопрос о принципах публикации. Почему издание Кларка устарело, каковы его недостатки?

Рукописная традиция «Истории» Аммиана небогата. Найденная Поджо

³ A m m i a n u s M a r c e l l i n u s, Rerum gestarum libri qui supersunt, rec. C. U. Clark, B., 1910—1915.

⁴ A m m i a n u s M a r c e l l i n u s, by J. C. Rolfe, L., 1935.

⁵ A m m i a n u s M a r c e l l i n u s, Rerum gestarum libri qui supersunt, rec. V. Gardthausen, vol. 1—2, Lipsiae, 1874—1875.

⁶ A m m i a n u s M a r c e l l i n u s, Rerum gestarum libri qui supersunt, a cura di A. Selem, Torino, 1965. Ср. E. Pasoli, Note ammiane. A proposito d'una recente edizione di Ammiano, «Helikon», 7, 1967, стр. 456—465.

⁷ A m m i e n M a r c e l l i n, Histoire, éd. par E. Galletier avec la collaboration de J. Fontaine, P., 1968. Второй том, подготовленный Г. Сабба, вышел в 1970 г.

⁸ A m m i a n u s M a r c e l l i n u s, Römische Geschichte, von W. Seyfarth, Bd 1—2, B., 1968. Оба тома содержат книги XIV—XXI.

⁹ «Историки Рима», М., 1970, стр. 401—433.

¹ См. об этом A. F r é z o u l s, La mission du magister equitum Ursicin en Gaule (355—357) d'après Ammien Marcellin, «Homages à A. Grénier», Berhem — Bruxelles, 1962, стр. 673—688.

² К. E n s s l i n, Zur Geschichtsschreibung und Weltanschauung des Ammianus Marcellinus, Lpz, 1923; E. T h o m p s o n, The Historical Work of Ammianus Marcellinus, Camb., 1947. Более новые работы — S. J a n n a c c o n e, Ammiano Marcellino. Profilo storico-critico, Napoli, 1961; J. F o n t a i n e, Ammien Marcellin, historien romantique, «Bulletin de l'Association G. Budé. Lettres d'Humanité», 28, 1969 — мне недоступны. Обзор литературы с 1636 г. см. C d i S p i g n o, Aspetti e problemi della storia degli studi ammaiani, «Helikon», 3, 1963, стр. 524—534.